

КАК СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ПРЕВРАТИЛСЯ В РЕКВИЕМ ПО РАСПАВШЕЙСЯ ИМПЕРИИ. О ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ДИЛОГИИ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

Александр Вавжинчак

Ягеллонский университет
Кафедра культуры восточных славян

Катастрофа, произошедшая 26 апреля 1986 г. на Чернобыльской АЭС, давно стала одним из мрачных символов перестройки и последовавшего за ней распада советской империи. Ее масштаб и последствия, коснувшиеся огромной территории и судеб сотен тысяч людей, стали поводом не только для социологических, юридических и экологических рассуждений, но также материалом для литературных и околотекстурных рефлексий. За четверть века с момента аварии было опубликовано несколько десятков документальных книг, репортажей, статей, прозаических, поэтических и песенных произведений. Это и аналитические труды, и записи воспоминаний свидетелей катастрофы, участников операции по ликвидации ее последствий – атомщиков, солдат войск химзащиты, пожарных, летчиков и добровольцев, эвакуированных из зоны радиоактивного заражения жителей города Припять и окрестных поселков. Среди множества публикаций некоторые особенно выделяются: прежде всего, документально-художественный опус

Светланы Алексиевич *Чернобыльская молитва* (1990). Обращают на себя внимание также произведения Виктора Карамазова (*По краю Белой дороги*, 1992) и Ивана Шемякина (*Злая звезда*, 1993), в которых речь идет о белорусском опыте, связанном с заражением среды после катастрофы.

С годами воспоминания о катастрофе и ее образ в культуре претерпели своеобразную эволюцию. Несколько лет назад в район катастрофы, в том числе и в Припять, ставшую после эвакуации городом-призраком, стали водить экскурсии, которые специалисты по пиару ловко вписали в эстетику экстрим-туризма – иностранные туристы охотно платят сотни евро за возможность побывать в зоне опасности и хоть на пару часов вкусить реалии «постъядерного мира»¹.

Помимо этого, уже в 2000-е гг., Чернобыль стал импульсом для многих коммерческих проектов массовой куль-

¹ Предложение таких экскурсий и отзывы о них находятся на сайте: <http://www.chernobyl-tour.com/> (последний доступ – октябрь 2012).

туры. Это, прежде всего, серия компьютерных игр „S.T.A.L.K.E.R.”² и рожденная на ее основе литературная серия научно-фантастических романов под тем же названием, в которой участвует более десятка писателей из стран бывшего СССР и Европы³.

Как ни странно, в современном литературоведении о теме Чернобыля в литературе практически не пишут. Кроме критики, посвященной произведениям Алексиевич⁴, и нескольких сайтов, освящающих чернобыльскую тему в целом (в том числе и популярного энциклопедического портала www.wikipedia.org), очень трудно получить информацию по этой теме. А в тех источниках, к которым автору настоящей статьи удалось получить доступ, практически отсутствует упоминание о еще одном авторе, в произведениях которого присутствует сюжет об аварии на Чернобыльской АЭС. Речь идет об Александре Проханове и его двух романах – *600 лет после битвы* (1987) и *Ангел пролетел* (1991)⁵.

---

² Адрес портала по серии игр «S.T.A.L.K.E.R.»: <http://www.stalker-portal.ru/>

³ Серию ведет изд-во «ЭКСМО». На сегодняшний день вышло около 90 книг прозы – романов, повестей, сборников рассказов. Информация получена с сайта серии «S.T.A.L.K.E.R.»: <http://stalker-book.com/load/1-1-2>

⁴ Большинство из этих статей доступны на официальном сайте писательницы: <http://www.alexievich.info/articles.html>. Среди прочих: Э. Гуревич, «Чернобыльская молитва» на перепутье времени», *Вестник*, 2001, № 7, <http://www.vestnik.com/issues/2001/0327/win/gurevich.htm>; Л. Аннинский, *Оглянуться в слезах. Божье и человеье в апокалипсисах Светланы Алексиевич*, <http://www.alexievich.info/articles.html>

⁵ Единственный труд, найденный автором статьи в последнее время, – кандидатская диссертация Марины Ерофеевой *Проза Александра Проханова – проблематика и поэтика*, защищенная в 2010 г. в Тверском ГУ. В диссертации произведения, анали-

Прежде чем перейти к анализу этих произведений, постараюсь вкратце объяснить причины невнимания к ним со стороны литературной критики. Причины, как кажется, в основном политические. В советский период (70-80-е гг.) Проханов прослыл «писателем режима». Его проза (сначала этнографические повести и рассказы, затем индустриальные романы конца 70-х – начала 80-х гг., а позже военно-колониальная проза, воспевающая интервенцию советских войск в Афганистане, а также экспансию СССР в ряде стран Третьего мира) сделала Проханова персоной, не желательной в литературных кругах. После выхода романа *Дерево в центре Кабула* (1984), повествующего об интервенции советских войск в Афганистане и во многом умалчивающего факт ведения ими на территории этого государства войны, Проханов стал человеком «нерукопожатным» для большинства из писательской среды⁶. На волне ранней перестройки в моду вошло либо игнорировать его литературные достижения, либо ругать их за идеологическое и политическое ретроградство, а также художественные недостатки, несомненно, присутствующие в его прозе, создаваемой «по горячим следам» путешествий, но при этом с рвением преувеличиваемые перестроечной критикой⁷. Писателю с такой репутацией

зируемые в настоящей статье, рассматриваются с точки зрения идеи триединства техники, природы и человека. Текст доступен на сайте: www.dslib.net

⁶ См: Л. Данилкин, *Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова*, Москва, 2007, с. 634.

⁷ См: В. Матулявичюс, «Романы на конвейере», *Нева*, 1987, № 10, с. 158-164.

трудно было пробиться со своим произведением к широкому читательскому кругу, который в то время зачитывался текстами еще недавно запрещенных диссидентов. Обществу постепенно открывалась правда о трагических преступлениях коммунистического строя, которая полностью заслонила его достижения. В замысле конструкторов перестройки очищение и покаяние должны были идеологически обновить строй, однако результат был таков, что сначала элита, а затем, по инерции и не совсем осознанно, общество отказались как от идеологии, так и от союзного государства, что привело к распаду империи.

Вернемся, однако, к интересующим нас произведениям. Возможно, определение «чернобыльская диалогия» может показаться преувеличением, если принять во внимание то, что основной сюжет произведения развивается в городе Броды, расположенном к северу от Москвы. Дело в том, что роман о строительстве атомной электростанции писатель задумал еще до катастрофы в Чернобыле. Прототипом Бродов стал город Удомля, в окрестностях которого в начале 80-х гг. началось строительство Калининской АЭС. Весной 1986 года писатель поехал в Удомлю, чтобы ознакомиться с объектом, который должен был стать местом действия романа. Годы спустя Проханов вспоминал:

Мне хотелось написать роман, который (...) характеризовал бы вот это государство, его мощь, его стремление к космической выси, его пафос сродни раннему советскому авангарду, который связан с сооружением Вавилонской башни, в данном случае – электростанции. А с другой

стороны, мне хотелось показать, как в эту электростанцию, в эту машину, в этот огромный объем вмурованы, вмонтированы все эти сложнейшие социальные проявления.

Я поехал на Калининскую АЭС, эта станция строилась в Удомле, недалеко от Москвы. (...) И я был страшно увлечен процессом создания, когда из тысячи самых разных форм, деталей, (...) усилиями людей складывается модель современной цивилизации. (...)

Но в моем романном сюжете, я чувствовал, недостает какой-то драмы, срыва, слома, как это бывает в любой жизненной истории. И я задумал в этом романе, который уже начал писать, аварию. Может быть, через неделю после этого я поехал в очередной раз на Калининскую станцию и там узнал, (...) что в Чернобыле что-то случилось. (...) Через десять дней я уже был в Чернобыле⁸.

Поездка Проханова в Чернобыль стала уже легендой. Писатель, пользующийся доверием власти, принимал как наблюдатель участие в ликвидации последствий аварии, в том числе в очистке от радиоактивных отходов третьего энергоблока. В своих воспоминаниях он описывает это следующим образом:

Задача предстояла такая: солдат должен был, войдя в зал, схватить лежавшие у порога совок и метлу (...), на бешеной скорости промчаться к указанной точке, смести веником вредоносный мусор на совок, пробежать к контейнеру, опрокинуть в него этот совок и опрометью бежать назад. Вся операция должна была занимать не больше минуты с какими-то секундами. После этого солдат тут же покидал место аварии. Он получал за это время дозу такую, что ему больше нельзя было здесь находиться.

⁸ А. Проханов, *Хождение в огонь. Путешествие по собственной жизни*, Москва, 2011, с. 194.

(...) Я тоже проделал эту операцию, но вряд ли мне удалось там что-либо собрать. Я так торопился, так нервничал, испытывал такое волнение, что когда выскочил оттуда, мои бахилы были мокрыми от натекших туда струй пота, которые лились с меня от напряжения, от возбуждения, от страха – вот что такое работа спасателей⁹.

Чернобыльский опыт радикально изменил замысел романа и, несомненно, определил его конечную трактовку. Изначально писатель планировал создать очередную индустриальную утопию, пропитанную соцреалистической эстетикой. По мнению Л. Данилкина, Проханов задумал идеологический роман в поддержку перестройки, с которой, на ранней ее стадии, он связывал надежду на экономический рывок страны, преодоление «застоя»¹⁰. Сюжет романа *600 лет после битвы* действительно начинается и развивается по хорошо известной, отработанной советской литературой еще в 30-е гг. XX в., схеме.

В город Броды на строительство атомной электростанции прибывает Николай Фотиев – инженер, экономист, футуролог, создавший уникальную программу управления кадрами «ОКО». С позволения начальства станции он внедряет свою систему в коллектив строителей, добиваясь повышения качества труда и ускорения работ. Одновременно в группе возникают новые, более дружественные, открытые отношения, положительно влияющие также на другие сферы жизни героев произведения.

Сюжет романа кажется, на первый взгляд, довольно простым, даже баналь-

ным. Он, правда, дополнен личными похождениями главных героев, описанием их повседневной жизни – любовных связей, семейного быта, товарищеских встреч. Однако эту идиллическую схематичность нарушает один существенный факт: за Фотиевым, как и за несколькими другими персонажами романа, стоит травматический опыт Чернобыля. Авария, ее первые последствия, героические действия спасателей – все это присутствует в романе в виде воспоминаний, как правило, болезненных, вызывающих беспокойство и тревогу за настоящее и будущее. Особенно сильные переживания испытывают два человека – братья Михаил и Сергей Вагаповы, работающие на строительстве энергоблока. Михаил – ветеран афганской войны, попал в Чернобыль в качестве пилота вертолета, с которого тушили горящий реактор. Сергей же служил в войсках химзащиты, и именно при описании его участия в чернобыльских событиях Проханов использовал свой собственный, упомянутый выше, опыт. В воспоминаниях Вагаповых присутствует целая палитра чувств, переживаний, отображающих драму чернобыльских событий – как героизм, самоотдачу спасателей, так и страх перед смертью. Появляются также довольно откровенные воспоминания о хаосе, царившем в те дни на месте катастрофы, о просчетах командующих спасательными работами, об отсутствии координации в действиях. Катастрофа показана не только со стороны краха техносферы, но и также и с точки зрения ее разрушительного влияния на биосферу – как на природу, так и на человека, причем, в случае с послед-

⁹ Там же, с. 197-198.

¹⁰ Л. Данилкин, *Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова*, с. 405-406.

ним особенно важными кажутся психологические последствия пережитых героями событий. Как пример могут служить воспоминания Сергея о расстреле зараженного радиоактивным выбросом лошадиного табуна:

Тупо, часто задолбило, рвануло пламенем. Ударило в близкую дышащую плоть. Выдрало из нее ужас, боль, хлюпающий крик и визг, рваные красные клочья. Пули летели в лошадей, терзали, пробивали животных. Их бока, черепа, пронзали кости и внутренности, распарывали, рассекали артерии. Лошади падали, кувыркались на спинах, дрыгали копытами, харкали кровью. Всклакивали, роняя из ртов красную жижу, выдували из ноздрей кровавые пузыри. Скакали по убитым, взметались на дыбы, упирались копытами в хребты, валяли навзничь в ревшее месиво.

(...) Через минуту все было кончено, Дым, смрад, розовый терпкий пар. Хлюпанье, замирающий хрип. Еканье, бульканье пузырей. Солдаты опускали оружие, отворачивались, отходили.

(...) Солдаты, опустив автоматы, не слыша команд, еще не понимая содеянного, не знали, что делать дальше.

(...) Узик подлетел к солдатской цепи. Из дверцы, забыв ее захлопнуть, выскочил человек в жеваном костюме, в расшитой украинской рубахе, без маски, без кепки. Кинулся к яме сквозь солдатскую цепь. Заглянул, отшатнулся. Медленно, бледный, шевеля губами, пошел обратно.

– Не тот табун! – громко шептал он. – Ошибка! Не тот табун!

Солдаты молча, оторопело смотрели¹¹.

Не все прошли опыт Чернобыля героически. Если братья Вагаповы оказались действительными героями – храбрыми, ответственными, бесстрашными, то были и такие, которые в тот момент

проявили самые отвратительные черты человеческой натуры. Их выразителем становится Чесноков, он же Чеснок – хулиган, вор и мародер. В эвакуированной Припяти Чеснок совершает рейд по пустующим домам, воруя вещи, оставленные вывезенными жителями. По стечению обстоятельств, как и остальные герои, он попадает в Броды, где получает от Горностаева шанс начать жить по-новому, однако предпочитает вести прежний образ жизни. В результате он ввязывается в конфликт с Вагаповыми и Фотиевым, чем в какой-то момент пользуется Горностаев, мстя инженеру за проигрыш в состязании за женщину.

Чеснок – типичный герой соцреалистической прозы. Он вредитель, внутренний враг, интриган. Однако изначально он не был таким. Брошенный родителями, воспитанный в детском доме, войдя во взрослую жизнь, Чеснок оказался в одиночестве, никому не нужным. Это и породило в нем зло, которое кажется главной мотивацией его действий. Чеснок – человек, о котором государство и общество не позаботились вовремя, упустили его в решающий момент, и судьба бросила его на дно. Горностаев поначалу готов ему помочь, но, увидев суть характера Чеснока, использует его для своих личных целей, в очередной раз не дав ему возможности познать добро. Так государство, партия теряли многих людей, усугубляя нравственный кризис общества, умножая зло, которое стало преобладать в мире. Когда в городе начнутся волнения и воцарится все разрушающий хаос, Чеснок и иже с ним станут единственными, кто не постра-

¹¹ А. Проханов, «600 лет после битвы», *Вече*, Москва, 2012, с. 515-516.

дает от этого, а, наоборот, быстро найдет нишу в изменившейся реальности.

Вернемся к положительным героям, прежде всего – к Фотиеву. В отличие от Вагаповых, он пережил в Чернобыле момент слабости, когда после катастрофы взял вину на себя, указывая на якобы обнаружившиеся в его программе просчеты, и покинул станцию. В Бродах он пытается усовершенствовать свою модель, но ожидание новой катастрофы травмирует его сознание. В нем отсутствует типичная для героя соцреалистического романа уверенность в своих действиях и идейной правоте. Фотиев постоянно сомневается, ищет универсальное решение, ту истину, которая сделает его систему управления безупречной. Один из героев романа *600 лет после битвы*, отец Афанасий, назовет Фотиева «правдоискателем». Правдоискательство Фотиева, напоминающее чем-то поиски героев произведений А. Платонова, можно рассматривать как некий идеологический вызов, брошенный Прохановым идеям, проповедуемым литературой самиздата и тамиздата. Фотиев чуть ли не праведник, такой же, как и солженицынская Матрена, но в отличие от этой пожилой, строгой, воспитанной в традиционных крестьянских ценностях женщины, он – детище системы, наивно стремящееся воссоединить техносферу с биосферой силой ноосферы; воссоединить цивилизацию с культурой, одухотворить машину или даже мега-машину, то есть государство, с целью свершения экономико-этического рывка и возрождения погрязшей в кризисе советской системы¹².

¹² Несомненно, проповедуя данную идею, Проханов следует мысли В. Вернадского и русских

Идея возрождения страны и внутреннего обновления идеологии – цель Фотиева и подспудная мечта его соратников по коллективу. Все они ощущают, что за эту идею придется вступить в борьбу и выиграть очередную битву за государство. В этом смысле Броды становятся символическим местом. Столетия назад на месте этого города произошла полуполюгендарная битва местных жителей с неизвестной ордой – битва кровопролитная, но победная. Здесь же проходила линия фронта во время Великой Отечественной войны. Знание об этих исторических фактах порождает у Фотиева, Горностаева и других героев романа стремление следовать подвигам предков и отстаивать свои принципы во благо сохранения страны. Историко-софский пласт наполняет роман Проханова новыми смыслами: пространство строящейся АЭС и ее окружение – это не только микрокосмос, отражающий всю страну и проблемы, с которыми она столкнулась в первый период перестройки. Оно символизирует также преемственность русской истории, ее особый смысл, состоявший в развитии путем постоянного преодоления возникающих опасностей и конфликтов – как внешних, так и внутренних.

космистов (Ник. Федорова, К. Циолковского и др.). Отголоски идей русского космизма появились в творчестве писателя уже в конце 70-х гг. и формировались вплоть до половины 90-х гг. Анализируемую в настоящей статье диалогию можно рассматривать как некий промежуточный этап в процессе формирования прохановского истолкования русского космизма. Более широко на эту тему он высказывается в ряде статей, а также в книге *Симфония пятой империи*. См.: А. Проханов, *Симфония пятой империи*, Москва: «Яуза», «Эксмо», 2007.

Сюжет романа *600 лет после битвы* буквально обрывается в момент возникновения конфликта между Фотиевым и Горностаевым, борющимися за чувства одной и той же женщины. Антонина, сотрудница бухгалтерии электростанции, остается с Фотиевым, что толкает его конкурента к мести, с реализации которой начинается сюжет второй части дилогии – романа *Ангел пролетел*.

Горностаев пытается закрыть программу «ОКО» и уволить Фотиева с работы, что вызывает протест у части рабочих. Происходит активизация коллектива, рождаются демократические по своей сути инициативы, и вместе с тем, если выйти на уровень обобщающих ассоциаций, начинают работать принципы перестройки. И вот тут происходит коллапс: фотиевское «ОКО» оказывается неспособным управлять разрозненным коллективом. Вместо реализации «общего дела» люди начинают поддаваться сиюминутным требованиям и капризам. Жители Бродов начинают протестовать против плохого снабжения города продуктами, трудных жилищных условий и т.п. Никто не хочет ждать эволюционного развития – люди устали, хотят все и сразу. Эволюции они предпочитают революцию, та же означает беспорядок, срыв выстраиваемых десятилетиями социально-экономических принципов, на смену которым приходит неуправляемый хаос. В городе происходят столкновения протестующих с ОМОНом, которые заканчиваются трагедией. Жертвой протестов становится Антонина, ожидающая ребенка от Фотиева. Смерть беременной женщины становится символом смерти мечты о равен-

стве и справедливости, вынашиваемой обществом, но так и не рожденной, не реализованной.

Погибает также невеста Сергея, Катя – она кончает жизнь самоубийством после насилия, учиненного над нею Чесноком и его компанией, которые остаются безнаказанными. Еще одна примета революции: от нее выигрывают, прежде всего, подлецы и преступники.

В случае Проханова, годами отстаивающего принципы коммунистического строя, такой образ революции кажется неожиданным. С другой стороны, приверженность идеалам не освобождает художника от показа действительности такой, какой она ему представляется, со всеми ее противоречиями. Освободить себя от клише, чтобы уловить момент истины, – это и есть проявление таланта. Несомненно, в этом заключается главный смысл и достоинство дилогии.

Ключевой фигурой в романе *Ангел пролетел* остается все тот же Фотиев. Проханов скрупулезно рисует его психологический портрет, указывая на внутреннюю сложность, иногда противоречащие друг другу качества. Фотиев – человек неворцерковленный, однако принимающий существование некоей мистической силы, которую готов отождествлять с Богом. В то же время духу и природе он предпочитает разум и технику. Как уже отмечалось, Фотиев стремится воссоединить три сферы жизни и деятельности человека – биосферу, техносферу и ноосферу, и тем самым выстроить идеальную, по его убеждению, реальность. Эту истину он пытается донести до людей, действуя в условиях политического строя, к кото-

рому он лично относится лояльно, но от которого отказываются практически все вокруг, даже партия. Социально-экономические проблемы, охватившие страну и общество, вызывают в нем самые мрачные опасения. Спасение он видит в «ОКО», его повсеместном внедрении, но борется с его несовершенством, которое осознает, но не всегда видит. За поддержкой Фотиев обращается к своим учителям – московским профессорам, однако сталкивается с непониманием. Академик Бурхлевский в его присутствии воспекает западный либерализм и демократию, клеймя русскую историю и коммунистический опыт; политолог Ниязов, наоборот, видит спасение в возврате к жесткой диктатуре. Оба варианта неприемлемы для Фотиева: первый – слишком революционный и пораженческий, второй – излишне реакционный, останавливающий эволюцию, в которую Фотиев свято верит. Лишь философ Плахов предлагает некий третий вариант, основанный на выработке новой национальной идеи, которая должна возникнуть не в академических кабинетах, а недрах народа. Концепция Плахова, однако, предусматривает крах нынешней системы и хаос, из которого только со временем родится новое государство. Фотиев же не хочет ждать – он верит, что действовать надо здесь и сейчас, в таких условиях, какие предоставлены судьбой. Но он опять остается в одиночестве.

Иллюзией оказывается и вера Фотиева в партию как единственную силу, способную спасти систему и обновить ее. Партийный аппарат заполнен карьеристами,

коррупцированными безыдейными чиновниками. Их действия подрывают авторитет партии и ведут к тому, что даже убежденные коммунисты, такие как секретарь райкома в Бродах Владимир Костров, теряют свой энтузиазм. Когда Кострову при выполнении директив своего начальства приходится принять решение о затоплении родной деревни, он приходит к мрачному выводу:

Дело, ради которого он оставил учительство, покинул родное село, расстался с привычным укладом, казалось теперь бессмысленным. И не только бессмысленным, но и губительным, вредным. Своей ложной верой, своей упорной вопреки обстоятельствам деятельностью он затолкал район в нищету, разорил деревни и села, возвел посреди родимых лесов и нив чудовищную, готовую взорваться громаду, вскармливает ее и взращивает, в угоду ей губит луга и рощи, и теперь, ей же в угоду, отправляет под воду родное село, свой дом, свою школу, свое детство и юность, – все родное гнездовье, где последним стражем, последним летописцем несчастья остается отец со своей клеенчатой «Книгой утрат», куда он дрожащей рукой запишет проклятие сыну¹³.

Экологические последствия строительства атомной станции – еще один важный вопрос, который ставится в споре о смысле системы и ее развитии. Техносфера, вопреки надеждам, не сливается с биосферой в один организм, а подавляет ее собой, уничтожая тем самым фундамент, на котором сама возникла. Отголоски экологического направления, присутствующие еще в 70-е гг. в «деревенской» прозе, здесь налицо, однако прохановский подход к данной

¹³ Там же, с. 452-453.

проблеме кажется сложнее. Он, в отличие от В. Распутина или В. Астафьева, не видит в прогрессе ничего плохого, при условии возникновения симбиоза техники и природы. За осуществление этого симбиоза отвечают люди. Самые ответственные среди них, такие как Фотиев или отец секретаря обкома Костров-старший, готовы искать любое, даже самое неординарное, решение этого вопроса. Однако у них нет ни времени, ни поддержки от тех, в чьей власти принимать решения. Власть, оказавшаяся в идеологическом и историческом тупике, уже не способна действовать созидательно.

Костров-старший мечтает, чтобы власть покаялась в своих просчетах, ошибках и преступлениях. Он пишет «Книгу утрат» – своеобразный отчет о злодеяниях первых большевиков, борцов с культурой прошлого, с религией, а также ревнителем коллективизации. Фотиеву близка эта идея, но он хочет большего – чтобы покаяние дало импульс возрождению системы и державы. Однако никто к этому не готов – ни власть, ни общество. Жители Бродов митингуют, требуя решения насущных проблем, партийные деятели либо потеряли веру в идеологию, как Костров, либо предали идеалы во имя собственной выгоды. Двум правдоискателям нечего делать в такой реальности, и они ее покидают – старик умирает в затопляемой деревне, Фотиев же, после трагических событий в Бродах и похорон возлюбленной, покидает станцию в поисках места, в котором он сможет реализовать свои идеи. Судьба забрасывает его в туркменские пустыни, где футуролог-идеалист пред-

примет, видимо, еще одну попытку воплотить в жизнь принципы «ОКО»:

(...) [Фотиев] Полез на песчаный холм, стал карабкаться, лезть, осыпая себе на ноги раскаленные песчаные ворохи, стремясь достигнуть вершины, увидеть там за барханом, любимое, родное лицо.

Достиг вершины. Встал задыхаясь. Было пусто, жарко. Сердце колотилось в груди. За барханом слепо, металлически поднимались реакторы и башни химкомбината. Он стоял на бархане в пустоте, старый, беспомощный, в чужой земле. А в воздухе, пронизанном жестокой радиацией солнца, все еще слабо звучал, улетучивался любимый, его окликнувший голос¹⁴.

Фотиев бежит в пустынный край, желая, с одной стороны, убежать от воспоминаний об Антонине, угрызений совести, связанных с ее гибелью, с другой же, пустыня становится символом начала новой жизни. Возможно, только в таком пространстве, стерильном и свободном от всяких идей, герой будет стараться выстроить свою идеальную систему с нуля. Видимо, только в таком пространстве можно еще жить иллюзиями и мечтами о совершенной жизни, в которой царят справедливость и доброта. В России же продолжается вакханалия свободы – свершается революция, разрушающая все основы старого строя и наполняющая пространство новыми, отнюдь не гуманными, в представлении Проханова, смыслами.

Роман *Ангел пролетел* завершается рядом мистических сцен, свидетелем которых становится Ангел, пролетающий над Россией. Посланник небес выполняет особую миссию – охраняет мир от окончательной победы Зла. Он отпу-

¹⁴ Там же, с. 670.

гивает кладбищенского вора, залезшего в могилу ветерана за его медалями, утешает проститутку, принуждаемую судьбой к блуду, останавливает старого разведчика, решившего покинуть мир вместе с государством, которому он служил. Жизнь продолжается даже в разрушенной стране, ибо ее от полного исхода всегда спасет таинственное, мистическое Русское Чудо.

Если взглянуть на историю российской государственности, исходя из близкого Проханову и некоторым другим современным русским мыслителям и писателям¹⁵ метафизического ее восприятия, то легко представить следующую модель: Россия – страна-страдалница, русский же народ – мученик, бросаемый из крайности в крайность. И страна, и народ не раз достигали пика величия, чтобы потом рухнуть в бездну. Так было с Киевской Русью, Московским княжеством, Романовской империей, Советским Союзом. Как замечает Проханов в своей книге воспоминаний *Хождение в огонь. Путешествие по собственной жизни*, «каждый раз, когда гибнет очередная Российская империя, российская цивилизация, мы погружаемся в черную дыру, и нас спасает русское чудо»¹⁶.

В черныбыльской диалогии это упование на чудо присутствует постоянно; именно оно становится сутью утопичес-

кого проекта Фотиева, хотя ему самому не дано до конца осознать это. Отсутствие этого заключительного духовного элемента обрекает систему «ОКО» на провал. То же отсутствие веры в возможность рывка, возрождения забуксовавшего общественно-политического строя обрекло страну на распад. Утопия закончилась катастрофой – таков закон жизни, который человек постоянно пытается отменить. Либо в жизни, либо в литературном произведении. Прохановская диалогия – очередное этому подтверждение, хотя писатель, как он сам признавался, верил в осуществление своего замысла и идеи. Подвели, как всегда люди. Их слабости, стремление к личной выгоде, личному счастью, к спокойному, уравновешенному повседневному быту свели на нет идею, которая требовала от людей постоянных жертвоприношений, маня абстрактными понятиями равенства и справедливости. Человек – таким, каким он есть, – не способен неизменно и упрямо следовать жертвенным путем. Это всегда вело к трагедиям – террору, войне, техногенным катастрофам, чреватым бесчисленными человеческими жертвами. Уставшее, обманутое общество не в состоянии было отстаивать абстрактные идеалистические принципы, оно просто мечтало о спокойствии, чем вполне устраивало предательскую партийную и интеллектуальную элиту. Таковы причины распада империи, о которых, по сути, идет речь в романе. Этот распад сулил трагедию всему обществу – расколотившемуся, конфликтующему, оказавшемуся на грани гражданской войны. От этого последнего рокового шага страну

¹⁵ Среди мыслителей, близких Проханову по убеждениям, можно назвать Александра Дугина и Гейдара Джамалая. Среди писателей выделяются В. Распутин, Ю. Мамлеев, В. Галактионова, Т. Набатникова, Дм. Данилов.

¹⁶ А. Проханов, *Хождение в огонь. Путешествие по собственной жизни*, с. 14.

спасли государственнно думающие люди, такие, как Горностаев, который сумел защитить станцию от яростного гнева толпы и возобновить ее работу. Они же спасли страну от полного краха после коллапса империи в 1991 г.

Оба романа – и *600 лет после битвы*, и *Ангел пролетел* – это идеологически-социальная драма, повествующая о крахе империи, в котором Проханов видит главную трагедию XX в. И этим, прежде всего, он отличается от тех авторов, которые не принимали советский строй в целом, считая его воплощением зла, роковой исторической ошибкой и трагическим экспериментом. С точки зрения Проханова, трагическим экспериментом можно называть только перестройку и ее последствия. Видимо, этот, сугубо индивидуальный, для кого-то тоталитарный, для кого-то эксцентричный, а для кого-то патриотический и провидческий, взгляд на историю России конца XX в., не вписывающийся

ся в литературный мейнстрим, обрек в свое время оба романа на забвение. Но сегодня, когда с 20-летней дистанции еще раз можно переосмыслить те бурные события, в том числе и трагедию на Чернобыльской АЭС, оба романа – и утопический *600 лет после битвы*, и катастрофический, звучащий как реквием по распавшемуся государству, *Ангел пролетел* – могут внести нечто новое в споры о том времени. Дело не в том, чтобы с ходу принимать или отвергать данную точку зрения, а чтобы спокойно, всесторонне осмыслить проблему и сделать соответствующие выводы. Наконец, чему-то научиться и избежать хотя бы части циклически повторяемых ошибок. В решении этой задачи русская литература всегда играла одну из главных ролей. И проза Александра Проханова, независимо от отношения к личности автора, его взглядам и художественному уровню его произведений, вполне этой роли соответствует.

KAIP SOCIALISTINIS REALIZMAS TAPO REQUIEM SUGRIUVUSIAI IMPERIJAI. APIE ALEKSANDRO PROCHANOVO ČERNOBYLIO DILOGIJĄ

Aleksander Wawrzyńczak

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjami du šiuolaikinio rašytojo A. Prochanovo romanai: *600 metų po mūšio* (1987) ir *Angelas praskrido* (1991). Abu romanai – tai ideologinė ir socialinė drama, pasakojanti apie tarybinės imperijos griūtį kaip didžiausią XX amžiaus tragediją. Tuo Prochanovas ir skiriasi nuo kitų rašytojų, kurie tarybinę santvarką vaizduoja kaip blogio įsikūnijimą, kaip lemtingą istorinę klaidą ar tragišką

eksperimentą. Prochanovo nuomone, tragišku eksperimentu galima vadinti pertvarką (perestroiką) ir jos padarinius. Straipsnio autorius įsitikinęs, kad toks itin individualus, totalitarinis vs ekscentriškas vs patriotiškas ir pranašiškas požiūris į XX amžiaus pabaigos Rusijos istoriją, romanų autoriaus pozicija, neatitinkanti literatūros mainstream'o, ir tapo pagrindine abiejų Prochanovo romanų užmaršties priežastimi.

Получено: 2012, октябрь

Принято: 2012, ноябрь

Адрес автора:

Uniwersytet Jagielloński
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
31-120 Kraków, al. Mickiewicza 11, POLSKA
E-mail: sa-vav@yandex.ru